

Вадим Головченко

Мир который не изменить

«АСТ»

Головченко В. Н.

Мир который не изменить / В. Н. Головченко — «АСТ»,

Для того чтобы лучше узнать эту книгу предстоит прочитать то, что было написано в заголовке романа, описанного мною. В разделе, “Мира которого не изменить”. Однако, целью вступления, и аннотации, является донесением основной цели до читателя, что это, является мнением автора. В основном, речь идет от том, что это отношения героя к роману, где, сколько отношения играют роль, столько герой и мучается от своих проблем. Написанный текст доводит до читателя об отношениях и взаимодействиях сил властей и их собственной жизни. Главный герой нисколько не

© Головченко В. Н.

© АСТ

Глава 1 **Мир, который не изменить**

Первое что я заметил в нем, так этого его схожесть с моими чертами лица. Он выглядел вполне привлекательно для своих лет. Ему, моему главному герою было 32 года. Он являлся обитателем Лондона, правой стороны земного континента, на планете в тысячах, как было принято выражаться, часах от нашей Земли.

Его звали Наполеон. Фамилию ему родители не дали, поэтому по-простому его называли Сойер. По-простому, значит его ближайшие друзья, то есть соседи, однофамильцы и рабочие коллеги. Он учился, затем поступил в финансовую академию, где взял степень работника – наблюдателя за отчётностью мелкого бизнеса. После, устроился в контору отчётности предприятий, “базовую”, к Боссу, которого звали “Малькольм”.

У каждого босса, было свое прозвище, которое характеризовало отдел промышленности или обслуживания, в котором он работал. Прозвище Малькольма, было “строгий”.

После работы, Наполеон обычно или ходил по улице и разыскивал интересные для себя места. Где можно было что-нибудь приобрести для дома, либо же купить себе сувенир на память о том, или ином событии из жизни государства Брата. Ровно в 6 он выходил через красную парадную дверь, дуба, и шел к остановке. Там он садился на автобус, который будучи одним из центральных, довозил его прямо по прямой дороге до пешей станции, откуда он, уже, пешком шел в свой квартал. К слову квартал, это был двор, который аккуратно строился в форме прямого угла, напротив же, находился схожий ему, архитектурно, – Параллельный квартал. Почему это было так важно? Впрочем, говоря, в государстве идеология Брата все время что-либо выдумывала – это было на слуху. Но задержись это хоть бы на век, то об этом стоило бы говорить громко и гордо.

А также писать, что-либо, было бы название целой программы политического толка, автоматически, конечно же было бы еще и идейным памятником, либо же достоянием сообщества населения на данный промежуток времени. По заверению самого автора, и главного героя все это далеко не выдумка. Я знал, что один из них писал статью для института рабовладения, о том какую роль его агитационная политика сыграла в бессмертном произведении некого, как принято говорить, “Оруэлла”. Они и впрямь этим гордились, считая того сказочным человеком, занявшим свое место там вдалеке, на планете Земля, где еще нету Брата. Как-то так.

Наполеон Сойер казался мне заманчивым персонажем – у него было все, чтобы стать кем-то больше. А об этом дальше лучше не говорить. Так считало большинство его окружения.

Его работа начиналась с утра, как и у каждого порядочно гражданина Лондона. Ровно в 6 утра он просыпался, 15 минут у него уходило на собственный туалет. Остальные 45 минут он проводил время за газетой, или просмотром утренних новостей. Его квартира напоминало чем-то убежище, для мужчины-холостяка. Вполне обыденные интерьер, подчеркивал вполне обыденную жизнь, которую он вел. За исключением одного: он часто посещал клуб бесед.

В этом, или разговорном как там правильно говорить, клубе – сидели разные люди, и новые постоянно были абсолютно новыми людьми. Это была роскошь, посещать такое место. Во-первых, это был ресторан. А в ресторан, не каждый человек имел право зайти. Для это нужно было хотя бы закончить институтское образование.

Наш герой, Наполеон Сойер, закончил сначала школу. Там он был отличник, в хорошем смысле этого слова. Из факультетов физики, то есть физического искусства, где он больше всего проводил времени, ему нравился спорт. То есть это его, как сказал его преподаватель, и “Выбило в люди”. После школы, родители отдали его на переобучение на экономическую специальность. Где по факту обучали вести бухгалтерский счет. У него здорово это выходило делать, поэтому опять же, по мнению преподавателей, он “отличился”. На работу же его долго не хотели принимать. Во-первых, ему было всего 18 лет, а во-вторых, у него не было модных привычек. И сверстники говорили, что он невозмутим. Никак политик, а скорее, как простой болван, который вечно где-то шатается и занимается не бог весь чем.

В итоге работа нашла себя сама ровно в канун дня рождения, что приходило на август. Дату он выбрал сам, но не в этом суть. Ему отправили поздравительное объявление, а затем, в короткой приписке написали, “в качестве приза, вы получаете работу на вашем любимом предприятии, по вашему утонченному вкусу”. Спасибо и на этом, думал тогда Наполеон. Ведь еще пару дней, и я бы или сошел с ума, или бы сошел с голода.

На первом интервью, он выглядел очень бледным и скованным, но на самом деле думаю, что он ведет себя не совсем сдержанно. Это был Его первый Босс. В мире Брата, первый Босс – это начало твоей карьерной лестнице, и, пожалуй, эту встречу можно было бы только сравнить со встречей известного человека, который обязательно поставит тебя на путь истинный в твоей стезе. Но так не произошло. Хотя по крайней мере, все с подвиги для этого были. На первом этаже располагалась бухгалтерия, где работала навязчивая, но всем крайне интересная и приятная на вид особа Нэнси. За стойкой отдела регистрации, для клиентов, что хотели бы просто поговорить о делах компании, или заинтересоваться в выборе нового способа обеспечения своего мелкого бизнеса, была Трейси – она же, начальник всех секретарш, в каком-то смысле. Личный секретарь Босса был исключением. Если подняться выше по винтовой лестнице, то попадешь в главный зал, где размещалось 16 мест для работников компании, плюс к этому шли различные отделы, столовые, туалеты.

Было куда посмотреть, думал сидя, запотевший герой. Чем скорее бы отсюда вышел, тем лучше бы было для меня. Он явно рассчитывает, что я тут же непременно начну расхваливать тех или иных людей, обсуждая попутно кто и чем отличился. Заодно и раскритикую политику компании, основываясь на таких доводах. Страх аж побледнел передо мною. Босс встал, и нарочито лыбившись, протянул свою руку. Я ее пожал, и словно растворился в кабинете. Можно сказать, слился с интерьером и обстановкой. Лишь бы он мне бы отпустил – думал я. А вот и момент – снова подумал я. Босс улыбнулся, и я мигом пошел к двери. Дверь тяжело выдерживала напор, но я преодолел ее тяжесть, как мне вспомнится потом, это войдет у меня в привычку, вышел. Секретарь Босса казался мне доволен.

Я получил свой аванс в 100 долларов. Поскольку номиналы у нас менялись часто, я решил потратить их, не откладывая. В первую очередь зашел в сувенирную и купил там горжетки и спальный глобус. Сейчас объясню. Горжетки я дарил женщинам, которые мне нравились. Так, подыскивал пару, вы меня поймете. А вот глобус, я действительно нашел тогда просто сказочный. Оказалось, там была подсветка, и ночью он мне был в качестве ночника. Оттуда и название.

Год за годом, работа особенно не менялась. Случай за случаем, на работе предприятий, если коротко. Но были и интересные. Так, однажды к нам зашел один проходимец, из литературного клуба. Те, что выпускали книги для больших магазинов. То ли он бы писатель, то ли редактор – я не сильно разобрал. Но меня вызвали чтобы с ним поговорить. Он мне долго рассказывал чепуху, о романах социал-утопического стиля, что я и так знал. Но затем спросил, что я раз его так внимательно слушаю, не посещаю ли я кружки ораторского, или разговорного типа. Как бы меня подначивая туда вступить. У меня было не так много денег, на тот период, поэтому я начал увильивать от ответа. Он мне дал чек, на 5 долларов и сказал, чтобы я пришел к нему, и он меня записал на первое посещение. Все бы ничего, но шепотом, он мне добавил, что это литературный клуб. От чего я, вскинув брови, отказался. Никогда себя не видел поэтом. Он значительно добавил, что это важное искусство современного времени. А я как современный человек, обязательно должен к нему присоединиться в этой мысли. Я покачал головой, и сказал, что приду.

В следующее воскресенье я отправился в литературный клуб, по совету того самого проходимца. Он не желал мне зла, как мне казалось, просто хотел чем-то удивить. Что он и сделал.

Зайдя в этот клуб, я осмотрелся сперва наперво. Это был большой древесный каркас, одетый на бетонные стены подвального помещения. Таким, по замыслу архитектора-художника, должен был выглядеть утопический литературный клуб. Мои рассуждения основывались во-снoв оном на том, чему преподавали в поздней академии. Из литературы там было немного, но книги я любил. Очень по-своему я читал произведения известных авторов своего и предыдущего времени, то есть как минимум имеется ввиду не более двух ста лет. Я читал некоторые поэтические брошюры, которые раздавали на улице во время разных революционных действий наших политиков, а даже иногда и самого Брата, говоря скромно. Меня чем-то цепляли эти тексты, но я не понимал, имеют ли они поэтическое, или скорее политическое свойство бытия...

Наш начальник, трудоустраивающий так скажем в этом месте, предоставлял все необходимое для того, чтобы писать и декламировать. Под последнем он имел ввиду и так же, имел в наличии, те самые успокаивающие и анальгезирующее средства для горла и мозга, чтобы те, кто тут работают могли работать как можно дольше. Вполне нормальная практика для современных предприятий. Поэтому и отсюда возник таков вопрос, что зачем ли нам эти вещи, раз уж мы занимаемся политическими делами, что ли. ДА. Тут было место политике, больше чем просто искусство. Меня это заинтересовало. Ведь я занимал, по-своему, очень далеко, но почти политический пост в своей жизни. Контроль, в нашем правительстве было все. И тут, возможно, даже сама поэзия и искусство поступились бы.

Я начал было вспоминать уроки своей учительницы по искусству речи, те, что мы проходили в восьмилетнем возрасте. Я был очень хорошего мнения о ней, ведь она и стала той самой женщиной, которой я часто писал письма там, позже в уже в институте прикладной искусственной инженерии. Она меня научила правильно держать речь так, чтобы перед сверстниками я выглядел неплохо. После важного урока, как я и она тогда понимали, она подошла ко мне поближе и погладила по плечу. Она мне напоминала мать, где-то по-своему, ведь меня мои приемные оставили в возрасте 4-х лет, по законодательству того времени. С тех пор, я начал вспоминать все и все что связано с этой женщиной больше и больше, пока не увидел и понял в ней просто хорошего учителя жизни. Мне это было важно.

Я стоял перед книгой, которая праздно лежала на столе. Это, кажется, был Джордж Оруэлл, 1984. Мне эта книга приглянулась сразу. Не вижу повода. Правда, зачем им это читать, если это входит практически в любую образовательную программу младших и старших классов. Я это помню по своему образованию в школе, где мы учились читать. В этом году нам принесли именно эту книгу, и навыки чтения мы так же оттачивали восемь лет спустя. Мне это было символично видеть, ведь атмосфера этого помещения меня несколько заинтриговала. Что-то в ней было от того настоящего духа письма, о чем декламировали на экран и улицах нашего Лондона. Говорили так: “Лондон – культурная столица просвещения”. Мне это было в радость знать, что наше место не так далеко, от того, что может быть возможно происходит и в самых серьезных и ответственных городах и умах их жителей.

Ко мне подошел человек – девушка, занимающееся поэзией в этом кружке. Она положила руку на книгу и спросила, не хотел бы, и я сделать нечто полезное для этого места. Я ответила ужимкой, что якобы, я еще не настолько заинтересован не в ней, не в самой поэзии по части...

Выйдя из этого места, я пошел к себе домой. Сделав чай и сев на диван я стал думать, о чем это все было. Во-первых, меня немного обеспокоил факт моих походов. Принято говорить, что человеку проще всего быть на месте своего бытия, не нарушая его ничем, связанным с другими рабочими или идейными началами. Для меня моя зрительская работа была чем-то непросто таким, но и даже любовным, по сколько я помимо прочего мечтал завести семью. Но вы знаете, возможно, что любому порядочному мужчине рано или поздно приходится заводить себе нечто в форме не просто простого случайно секса, но что-либо посто-

янное, на крайне гарантированной основе. То, что я слышал, из разговор людей которым уже за 40. Меня это идея не настолько еще влекла, но мысли были.

Я был человек идейный. Меня всегда влекла некая идея за собой. Однажды зайдя в метро, я наткнулся на одного забулдыгу, который тайно мне предложил небольшое мероприятие, все силу наличия у меня денег. Он мне предложил мне незаконно взять некий наркотик, у человека которого он знал. Я бы подумал дважды, над этим, но отказался. Я проявил, как мне показалось, нечто вроде симпатии по отношению к нему. И угостил, точнее, опять же, просто предложил ему выпить. Да, я настолько сумасшедшего толка человек. Я не совсем понял его ответ. Но он, как мне показалось, просто проигнорировал меня, и продолжил нести ту же чушь мне в лицо, что и нес раньше. Дело было не в этом.

Я ехал тогда на поезде, была поздняя ночь. Около 12 часов, почти утро как принято говорить в нашем Лондоне, особенно если ты в это время путешествуешь. Я был у своей давней подруги, которая мне предложила выпить и посидеть с ней на лавочке, за домом, который тогда громко гудел. Она спросила у меня, не хочу ли я выйти за муж. Я удивился этому вопросу, но я переспросила у меня как будто это она, то есть своего рода сделав ошибку. Мне показался ее вопрос навязчивым. Но вы знаете, задавать подобного рода вопросы людям, которых ты пригласил или пригласила к себе в гости. Возможно, это не так воспримут, и скажут, что ты попросту теряешь время само по себе, обсуждая такое с людьми, которых ты мало подготовила. Она думала, возможно, что я стану ее тайным гостем в спальне. Или что-то вроде того, насколько я себе тогда отдавал отчет. Это было почти так. Она меня поцеловала, но когда я сильно растрогался, она мне стала задавать навязчивые вопросы, о том, как я в общем я целом отношусь к женщина, что меня к ним влечет, и что самое главное, что я думаю о ней, как о человеке ответственном, расчетливым и вообще, вероятно, ох уж эти женщины, скорее всего где-то в мыслях уже женатой. Я был неловок, немного странен сам себе, и как вы уже догадались, был слегка спутан или или закован в себе. Она же в итоге всех моих выкрутасов все же, как мне показывалось, изменила свое мнение обо мне мне, – стала мило улыбаться, гладить мою голову, так чтобы нас никто не заметил, и медленно вставать с той лавочки, на которой мы сидели.

Я долго провожал ее взглядом, так все же намереваясь понять, что мне “дает” это свидание вслепую, с женщиной на чью домашнюю вечеринку я случайно попал. Так ПО большому счету, я не был высокого мнения о себе. Мне показалось, что тут еще есть, “работа над собой.

Глава 2 Большая смена перемен

Сегодня я родился заново. Я вышел на собственный уровень выше, гораздо выше, чем был раньше. Мой начальник, босс, знавший меня целую жизнь, одобрил мое повышение, и повысил мне ставку. На целый доллар! Я попросил его тайно и лично, никому об этом не рассказывать. И это было мое собственное решение. Чтобы сделать ему комплимент, я утром зашел в магазин по продаже цветов и купил ему букет алых роз. Их я отправил его ему на дом, наложенным платежом. Взяв с него лишь половину от того, что по-настоящему, как мне казалось, причиталось мне. Искренности моей не было тогда предела, хоть я и знал, что таким большим людям как мой начальник, не стоит раскрывать все свои тайны. "А" это было не прилично (и тут вы сами, наверное, меня поймете, ведь вы не первый день на это свете. "Б" – не было причины нарушать нашу рабочую этику, а значит и сами отношения, которые мы выстраивали всю жизнь. Он мне часто говорил. Его жене это не понравиться. Его жена будет не довольна. Поэтому я и выбрал розы. Вроде бы вполне нейтральный подарок, а по слухам, ну те, то есть что я видел по телевизору в мелодрамах и шоу, розы дарили кому-либо из семьи. Обычно, женщинам.

Я вообще человек склонный постоянно гулять или шататься по улицам, для меня это первое дело в жизни. Я прошел по бульвару, где стояли розы и снова несколько задумался, над тем, правильно ли я поступил со своим боссом. Рядом стояли женщины, и у лотка примеряли

розы к своим платьям. Чуть поодаль дети игрались с розочкой. Казалось все вполне обыденно. В духе, подумал, просто в духе моих с начальством отношений. Я закурил табачную сигарету. Босс и очень любил. Подумал я, "будет что рассказать, если вызовет, и как минимум, начну свою историю как обычно – гулял, увидел, задумался, закурил".

Из всех зол я предпочитаю меньшее. Самое разумное это оставить некоторые дела в покое, которые мне особенно не важны. Так я склоняюсь над некоторыми фактами в моей жизни. Во-первых, это мой кружок, куда я часто заходил. Вернее, я в него сначала был включен. Я подолгу стоял на улице возле входа. Большого ресторана, где собирались люди для непродолжительных бесед. Я знаю, что сейчас многие говорят про непродолжительные беседы, да, стоя тут на улице я и сам собой могу включиться в такой разговор. Суть обстояла следующем образом: мы садились за стол с неким партнером и перекидывались одной или двумя фразами. По итогу нашего которого диалога, мы выяснили что мы друг о друге думаем. Ну так, как бы невзначай. После этого партнер уходил, и на его места садился официант этого официального, конечно на наш строгий политический взгляд, мероприятия. Один раз, был случай, когда ко мне подсел незнакомый мужчина, который выглядел как постоянный покупатель магазина сигарет. Он меня заинтриговал своим взглядом, из-за чего я как бы невзначай (не путайте, пожалуйста, это с нелепым, а уж тем более ненавязчивым взглядом!), как бы посмотрел на официанта. Он искосился и стал говорить мне фразы вразнобой, якобы тот являлся первым встречным или первым кто когда-либо приходил на эти встречи. Я от него услышал, да довольно точнее было бы выразиться именно так – он мне сказал прямым текстом, что я Никчёмен, и добавил, что это мое прозвище тут, наверное, по его, как он выразился "усмотрению". Я долго выжидал своего ответа, а затем просто встал и вышел, как принято у нас, прямо через парадный выход. Я узрел в нем не то политика, не то просто какого-то мелочного барыгу, который пытается мне вложить свои идеалы. Мне это не понравилось. С тех пор, я не могу даже и думать о нем, поскольку чувство опасности и ответственности за свои жизнь, у меня и так не просто нарастало, а вообще, стало расти очень быстро. Моя должность этого бы не простила. Что я и заметил.

Моя работа не считается обыденной. Не в коем случаи! Я всем так говорю. Мой знакомый, за которым я веду наблюдения финансовой отчетности работает в своем магазинчике, у меня на соседней улице. Ровно в шесть часа утра я захожу на свой пост. Передо мной всегда стоит монитор, справа принтер для распечатки отчётности. Мой стол, всегда чист и опрятен. Приемлемые нормы казались мне чем-то нужным и необходимым в работе над бумагой. Каждый листик был на вес золота, за что начальник меня и любил. Ровно в восемь-ноль-ноль я отдавал отчет о двух часах работы секретарю своего босса. Она никогда не отдавала мне той улыбки, которую она демонстрирует первому встречному в офисе. В ней было нечто уникальное, не поддающееся даже моему описанию. Однажды наш разговор затянулся, и. Я обратился к ней немного неловко, понимаете, по имени, ее ведь звали Сара, а меня интересовал Саратовский отчет по недвижимости. Тот самый, понимаете, которые котируют (то есть издают публично как индексную газеты для профессиональных сотрудников) – я как будто сказал ей это не вслух, то есть подумал. Но я так улыбался и так на нее искренне смотрел, надеясь, что наши долгие, длительные отношения коллег не испортятся. Что она подумала, что я к ней пристаю? Ведь она бы не подумала обо мне ничего плохого, так как знает меня как человек занятого. Я все это время надеюсь, что она не подумала обо мне нечто каверзное, мерзкое, превратное. А Саратовский отчет до сих пор висит в моей голове как напоминание, о том, что мой тон, пожалуй, надо бы выбрать более верный, каждый раз, когда я попадаю в необычные для себя, ситуации.

Обеденный перерыв, и я как обычно подошел к автомату с сэндвичами. Рядом стоял мой босс. В духе я его видел, конечно, часто, но сегодня он стоял праздный. Будто разговаривал сам с собой. Он был лысый, и томные морщины покрывали его череп. Он чем-то напоминал мне Брата. Того что не сходит с киноэкрана, конечно. Впрочем, об этом и так у всех на слухе.

Поэтому, особенным я его не считал. У него были сильные руки, он многим дали бы с руки. Но я считал, что только своей жестикуляцией он бы поставил любого из наших подчиненных на свое место. Да, он сильный, но и смелый он тоже. А как бы вы поступали на его месте, если бы вот, к примеру, "Он сидел за своим местом в столовой, на месте самого главного в нашем офисе! И к нему подошел бы человек, который был бы ему совершенно незнаком. Каких просто нету у нас в офисе! Чтобы вы сделали? Вот он бы. Мигом бы растрепал бы человеку волосу и мило бы улыбнулся и сказал, что нету такого места, где бы он бы вас не повидал вновь! Как вам? Забегали мурашки по телу? У меня так бы точно..."

Он повернул шею налево, и поддал слегка туловище в мою сторону. Я как раз, и меня как раз, угораздило стоять именно на этом месте! Он, обращаясь ко мне, сказал: "Жду тебя у себя в кабинете через двадцать минут". Посмотрев на часы, он положил монетку в воздухосниматель* автомата по продаже еды и выловил батончик снизу из трубки для батончика. Я утвердительно хрюкнул, как обычно полагается на нашем месте, и пошел восвояси. Так и не дождавшись целительного вождения перед покупкой своего обеда. Я отправился в столовую, где меня ждала Нэнси...

1. механизм работы заключался в поддаче сжиженного кислорода и азота через нержавеющую металлическую трубу, которая закреплялась внутри автомата. Монета попадала в отверстие для выхода воздуха, и проталкивалась внутрь. Датчик измерения давление на клапан, мог сказать попала ли монета внутрь трубы или нет. Счет ввелся, и в конце дня, распорядитель выносил все монеты. Работа была кропотливой, по сколько автоматов таких было уйма, поскольку имея всего в среднем не более 16 отверстий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.